

К категории правообеспечительных парафискалитетов относятся:

- нотариальный тариф;
- расходы, связанные с третейским разбирательством (ст. 44 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 301-З «О третейских судах»);
- арбитражные сборы (Статья 15 Закона Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 279-З «О международном арбитражном (третейском) суде»).

Список использованных источников:

1. Конаневич, Ю. Г. Фискальное право : монография / Ю. Г. Конаневич. – Минск : Ковчег, 2018. – 236 с.

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НОРМ О ЗАВЕРЕНИЯХ В ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ СТАБИЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О. К. Кремлева

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
(СПбГЭУ), Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
okremlev@mail.ru*

В ходе реформы обязательственного права Гражданский кодекс дополнен статьей 431.2 «Заверения об обстоятельствах» («Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»). В силу п. 1 ст. 431. 2 следует, что предоставившая при заключении договора до либо после его заключения недостоверные заверения об обстоятельствах, имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения (в том числе относящихся к предмету договора, полномочиям на его заключение, соответствию договора применимому к нему праву, наличию необходимых лицензий и разрешений, своему финансовому состоянию либо относящихся к третьему лицу), сторона обязана возместить другой стороне по ее требованию убытки, причиненные недостоверностью таких заверений, или уплатить предусмотренную договором неустойку другой стороне. Из данной нормы следует, что, во-первых, такие заверения должны были быть предоставлены

как таковые, то есть должны быть сформированы и оформлены в письменной форме и содержаться в договоре или приложении к нему; во-вторых, указанные сведения должны обладать важным в юридическом смысле значением для заключения, исполнения или прекращения договора; в-третьих, должно быть доказано, что данные сведения оказались недостоверными, а бремя доказывания возлагается на сторону, понесшую убытки; в-четвертых, сторона, пострадавшая от предоставления недостоверных сведений, должна потребовать от причинителя убытков их возмещения либо в качестве альтернативы уплаты договорной неустойки. Помимо этого, в силу п. 2 ст. 431.2 добросовестная сторона вправе отказаться от договора, если только иное не предусмотрено соглашением сторон.

При оценивании действий сторон в качестве добросовестных или, напротив, недобросовестных, следует опираться на пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». То есть при понимании добросовестности исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, что среди прочего подразумевает содействие контрагенту в получении необходимой информации. В пункте 34 Постановления № 49 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» разъяснено, что сторона договора, явно и недвусмысленно заверившая другую сторону об обстоятельствах, тем самым, принимает на себя ответственность за соответствие заверения действительности дополнительно к ответственности, установленной законом или вытекающей из существа законодательного регулирования соответствующего вида обязательств.

Модель заверений предназначена для договорного регулирования распределения рисков посредством возложения ответственности за предоставление осведомлённой в силу объективных обстоятельств стороной договора информации другой стороне. Модель конструирует возникновение ответственности за предоставление договорных заверений, исходя из презумпции свободы воли, то есть, из предположения, что принятие решения происходит в связи с предоставлением или непредоставлением достоверной

определенно информации, достаточной для формирования воли лица, чтобы установить его обязательства.

Смысл узаконения данной модели сводит к минимуму осуществление намерений не предоставлять контрагенту значимую информацию, утаить или исказить её, тем или иным образом пытаться воспользоваться неосведомленностью контрагента. В предпринимательских отношениях значение модели трудно переоценить, так как ответственность заверявшего лица наступает за сам факт объективного несоответствие заверений действительности. Таким образом, данная модель способствует обеспечению более справедливого договорного обеспечения и в перспективе стабильного хозяйственного оборота.

В теоретических, но ещё более того в прикладных целях следует определить категории заверений. Среди заверений виднейшее место занимает информирование, то есть предоставление необходимой и достаточной по содержанию и объёму информации для признания нарушений, допущенных в отношении заверений, удовлетворяющей основаниям возникновения требований возмещения ущерба или взыскание договорной неустойки, а возможно и отказ от исполнения договора. В данном контексте именно такую информацию следует считать важной в юридическом смысле. В первую очередь, такая информация охватывает существенные условия договора, среди которых всегда выступает предмет договора. В таком случае последствия недостоверности заверений вытекают из общих положений о договорах и обязательствах ст.431.1, ст.450, ст.451.1, ст.451.

Модель заверений весьма продуктивна для применения в договорных отношениях, поскольку позволяет возложить ответственность за информирование об обстоятельствах возникновения обязательств, способных в будущем стать причиной убытков приобретателя, то есть рассчитана на перспективное действие во времени. В этом контексте весьма интересна другая категория заверений, каковой являются заверения об обстоятельствах, касающихся состояния финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующих субъектов на момент совершения сделки с их имуществом, имеющие непосредственное отношение к предмету договоров об отчуждении данного имущества. В результате дачи таких заверений теряет всякий смысл введение в заблуждение контрагента, в т.ч. злонамеренное отчуждение имущества субъектов, находящихся в предбанкротном состоянии, а также

дезинформация о финансовом положении хозяйственных обществ при купле-продаже долей в уставном капитале и пакетов акций. Опираясь на толкование п. 35 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» и аб.3 п.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении», следует сделать вывод о возможности невинного вменения в соответствии с п.4 ст.431.2 ГК РФ в отношении лиц, отвечающих критериям осуществления предпринимательской деятельности. Так, из Постановления следует, что в случае недостоверности заверения предусмотренные п.1 и п.2 ст.431.2 ГК РФ последствия применяются к предоставившему заверение лицу и не требуют доказывания независимо от его поведения и вне зависимости от того, было ли ему известно о недостоверности заверений. Важно расширительное толкование данного вывода: к заверениям предпринимателей приравниваются заверения данные в связи с заключением корпоративных договоров, договором об отчуждении акций (долей в уставном капитале) хозяйственных обществ. Например, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 марта 2023 г. № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021, где оспаривалось требование о солидарном взыскании неустойки за недостоверные заверения об обстоятельствах по договору купли-продажи доли в уставном капитале общества, установлено: «продавец долей в уставном капитале, давший заверения об отсутствии нарушений в деятельности Общества, по общему правилу отвечает перед покупателем за негативные последствия выявления соответствующих нарушений заинтересованными лицами, в том числе контролирующими органами, и не вправе выдвигать возражения, основанные на отсутствии причинно-следственной связи между его поведением и возникновением (выявлением) соответствующих нарушений, неизвестности ему фактов нарушений в деятельности юридического лица, отсутствии его вины в наступлении событий, произошедших после совершения сделки и т.п.»

Возникает вопрос о глубине ретроспективности сведений о хозяйственно-финансовой деятельности, способной повлечь искажение представлений об истинном положении дел и повлиять на принятие решения о приобретении активов или титулов собственности на них. Полагаем, что заверения даются лишь в отношении конкретных состоявшихся юридических фактах. Именно за такие факты одна сторона договора ручается перед другой. Поручиться за действия иных лиц было бы превышением полномочий, то есть достоверность всех иных фактов не подлежит заверению стороной отношений, а, следовательно, не подлежит ответственности и ущерб, причинённый действиями третьих лиц. Так, например, продавцы кооперативных паёв, акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ способны дать заверения только в пределах собственной правоспособности, не выходя в сферу компетенции деятельности хозяйствующих субъектов, а стало быть не подлежат взысканию убытков или в качестве альтернативы неустойки за результаты их деятельности и, разумеется, не возникает основания для расторжения договора о продаже паёв, долей и акций. Более того, в случае возникновения претензий к приобретателю, которому в договоре, опосредующем отчуждение имущества предоставлялись заверения, по поводу данного имущества возникают претензии, возникновение которых по мнению нынешнего обладателя обусловлено предшествующим периодом владения, ему следует привлечь заверявшего его при отчуждении лицо к судебному или административному процессу. В ином случае, воспользовавшись нормой ст. 431.2, истец рискует снижением меры ответственности заверителя. Действительно, в отношении обстоятельств. В предшествовавших отчуждению и по поводу которых собственно и давались заверения, отчуждатель был способен сократить или ликвидировать соответствующие претензии (ст. 404 ГК РФ), будучи способным дать разъяснения в процессе (ст.462 ГК РФ). Полагаем, что применение указанных норм возможно привлекать к аргументации в отношении не только купли –продажи, но и иных договоров, содержащих заверения по аналогии (п.1 ст.6 ГК РФ) вплоть до формирования специальных норм, регулирующих этот порядок.

Требует анализа степень влияния наличия информации о предшествующих нарушениях обязательств и (или) обязательных требований, допущенных контрагентом до момента совершения сделки на

намерение покупателя заключить договор или напротив воздержаться от его заключения. Такие нарушения качественно изменяют характер юридического трактования обстоятельств, создавая в дальнейшем основания для предъявления кредиторами, в том числе и органами публичной власти соответствующих претензий. В отношении новых владельцев данная ситуация создаёт эффект «неразорвавшейся бомбы», так как может привести как к последствиям в диапазоне от уменьшения реальной стоимости приобретённого имущества до полной его утраты. Иллюстраций подобных ситуаций огромное множество: снижение величины оценки уставного капитала хозяйствующего субъекта и соответственно стоимости долей в нём, отзыв лицензий и прекращение хозяйственной деятельности и т.п. Заверения могут и должны охватывать достоверное информирование о состоянии дел на момент заключения сделки и не способны гарантировать отсутствие риска наступления неблагоприятных событий в будущем. Однако вся предшествующая деятельность хозяйствующего субъекта должна быть охарактеризована исключительно полно и достоверно. В противном случае суды встанут на позиции компенсации потерь за наступление неблагоприятных последствий, возникших в результате несоответствий данным заверениям, побудившим совершить сделку на согласованных контрагентами условиях. Так, например, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 марта 2023 г. № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021, где оспаривалось требование о солидарном взыскании неустойки за недостоверные заверения об обстоятельствах по договору купли-продажи доли в уставном капитале общества, установлено: «продавец долей в уставном капитале, давший заверения об отсутствии нарушений в деятельности Общества, по общему правилу отвечает перед покупателем за негативные последствия выявления соответствующих нарушений заинтересованными лицами, в том числе контролирующими органами, и не вправе выдвигать возражения, основанные на отсутствии причинно-следственной связи между его поведением и возникновением (выявлением) соответствующих нарушений, неизвестности ему фактов нарушений в деятельности юридического лица, отсутствии его вины в наступлении событий, произошедших после совершения сделки и т.п.». Основываясь на этой логике, Суд, установив, что «условия заключенного сторонами договора

свидетельствуют о том, что ответчики – продавцы долей в уставном капитале предоставили покупателю информацию о соответствии Общества обязательным (лицензионным) требованиям на момент совершения сделки, дав заверения о достоверности этой информации ... Следовательно, последующий отзыв у Общества лицензии на ведение деятельности форекс-дилера в связи с нарушениями, допущенными до перехода прав на доли в уставном капитале ... образует основания для предъявления к продавцам долей соответствующих требований в силу пунктов 1, 2 статьи 431.2 ГК РФ». Возвращаясь к вопросу о важности предоставленной информации, следует отметить, что Высшая судебная инстанция отвергла выводы нижестоящих судебных инстанций о малозначительности допущенных нарушений, поскольку они относятся к предмету заключенного договора. Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации прямо указал, что субъект, полагавшийся на заверения предыдущих владельцев, «обезопасил себя от неблагоприятных имущественных последствий в силу самого факта получения заверений и, соответственно, не обязан обеспечивать оспаривание претензий, предъявленных контрагентами или органами публичной власти за счет Общества и (или) за свой счет, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из содержания заверения».

Теоретико-прикладные перспективы развития норм о заверениях в правовом обеспечении экономики состоят в том, что расширяют и упрочивают пределы допустимости привлечения к ответственности в пользу пострадавшей стороны не только в установленных законом случаях, но и на основании договора, то есть формируются в русле принципа диспозитивности регулирования частно-правовых отношений. Сопутствующим практическим выводом, отражающим курс на защиту добросовестных участников хозяйственного оборота, выступает допустимость взыскания неустойки с ответчиков в солидарном порядке, причём в связи с неисполнением данных соответчиками заверений более не требуется доказывания, а трактуется из общего смысла статье 322 ГК РФ. Кроме того, учитывая тенденцию расширения категорий объектов гражданских прав обладающих обязательственной природой, значение развития норм о заверениях трудно переоценить в силу генезиса таких объектов на основаниях доверия и информированности. В данном обстановке именно защита прав и законных

интересов добросовестных участников играет первостепенную роль в обеспечении стабильной экономической деятельности.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Д. Д. Кузурова

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006, г. Минск, Беларусь,
law.kuzurova@bsu.by*

На современном этапе развития подход к использованию генетической инженерии носит весьма неоднозначный характер. В целях учета складывающихся реалий и новизны данного явления следует уделять особое внимание законодательству в этой сфере. Данная статья рассматривает понятие генетической инженерии и приводит легальные дефиниции ее составных частей. Осуществляется подробный анализ нормативно-правовой базы и исследуются имеющиеся отраслевые проблемы правового регулирования. Предлагаются возможные пути их решения, проводятся параллели с зарубежным законодательством и наднациональным правом.

Ключевые слова: генетическая инженерия; генно-инженерная деятельность; генно-инженерный организм; защита прав потребителей.

Легальное определение генетической инженерии содержится в Законе Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 96-З «О безопасности генно-инженерной деятельности» (далее – Закон о безопасности генно-инженерной деятельности). Так, в соответствии со ст. 1 Закона о безопасности генно-инженерной деятельности генетическая инженерия – это технология получения новых комбинаций генетического материала путем проводимых вне клетки манипуляций с молекулами нуклеиновых кислот и переноса созданных конструкций генов в живой организм, в результате которого достигаются включение и активность их в этом организме и у его потомства.

Дефиниция технологии, в свою очередь, закреплено в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 11 мая 2016 г. № 363-З «Об экспортном контроле»,